

М.В. Михайлова

А.Чехов и О. Дымов

Творчество писателя Осипа Дымова (псевдоним И.И.Перельмана, 1978-1959) до недавнего времени оценивалось исключительно как подражательное, претенциозное и поверхностное¹. Хотя следует помнить, что первые его шаги в литературе были восприняты с энтузиазмом, и лишь некоторое время спустя появились критические ноты². Однако ориентированность литературоведения последнего времени на изучение «малых» литературных величин позволяет по-новому взглянуть на его наследие и увидеть в нем не только манерность, вычурность, мелькание настроений, впечатлений и образов, а осознанную разработку импрессионистического стиля, установку на «новую эмоциональность», творческую переработку бытующих в «большой литературе» мотивов и образов. Особенный интерес в этом плане представляет претворение писателем традиций классической литературы.

На зависимость от Метерлинка и А.П.Чехова, указывалось уже в заметке о Дымове в словаре Брокгауза и Ефрона³. И о сознательной ориентации на творчество Чехова говорит в первую очередь его псевдоним, с которым он вошел в литературу. Но чеховские «элементы» прослеживаются буквально в каждом его творении.

Самый известный и удачный его сборник «Солнцеворот» (1905), можно сказать, открывший полосу импрессионизма в русской литературе начала XX века, композиционно воспроизводит цикличность природы (его части – «Весна», «Лето», «Осень», «Зима»). Но два рассказа, его завершающие, явно «выпадают» из этого круговорота. Это «бытовая» зарисовка «Погром» и этюд «На могиле Чехова». Первая написана совершенно в иной, чем весь сборник тональности: экспрессионистские элементы образуют жесткий каркас. Встают картины ужаса свершаемых злодеяний, «начинает корчиться коллективный расовый мозг», пробуждаются «черные псы» кровожадности, таившиеся ранее в глубинах человеческой психики. Дымов создает почти

вольство постановками на его сцене «новой драмы». Так, по поводу «Дикой утки» он писал: «Не было Ибсена, а было режиссерское решение (потухала лампа, подавался настоящий кофе)», в результате чего замысел автора был искажен в угоду «занавескам, галереям, крикам уток ...»⁵⁶.

В юбилейной статье к 50-летию Чехова⁵⁷ Дымов подводит итог своим размышлениям о деятельности писателя. В чем-то опираясь на уже сказанное им самим о его творчестве ранее, он, тем не менее, дает емкую обобщенную характеристику, почти афористично оформляя те узловые моменты, которые в скором времени будут признаны в чеховедении хрестоматийными. Так, он указывает на «обманчивость» чеховской «географии»: и Сибирь, и Москва – это некие «золотые земли», до которых не добраться. А изображенный Чеховым «сложнейший быт, наблюдаемый и схваченный в калейдоскопе изумительных подробностей, освещен особым светом», как будто весь «мир» писателя «прозрачен, сквозит, просвечивает, пропускает сквозь себя лучи». И «ключ» к его драмам надо искать не во внешних коллизиях, не в столкновениях и сцеплениях событий, даже не в борьбе отдельных личностей, а в том, что вся жизнь «есть неизбывная трагедия»⁵⁸.

После «расшифровки» загадок чеховской драматургии Дымовым-критиком становится понятно, откуда прихотливость нанизывания эпизодов в его пьесах, необязательность реплик, «случайность» сцен. Конечно, многие из этих элементов он воспринял от так поразивших его японцев, также многое взял он из «театра неподвижности» Метерлинка, в котором вместо «лиц» - «бесплотные абстракции», вместо «взаимного влияния одного человека на другого» - «что-то новое, дающее музыкальное... настроение, философскую мысль, разбитую на отдельные сентенции, положения, заключающие в себе трагический ужас, независимый от людской воли...»⁵⁹.

Вслед за Чеховым Дымов стремился воспроизвести на сцене «спутанный клубок жизни, развертывающийся в бесконечность и случайно обнаруживающий здесь, на земле, в юдоли плача, лишь очень малую часть своих узоров...»⁶⁰. Как и Чехов, он хотел, чтобы мир изображенных им явлений «образовывал нечто цельное, какую-то одну семью, рассеянную, развешанную

в необъятном пространстве жизни»⁶¹. И зрителю становилось бы ясно, что этот мир томится в ожидании разгадки о смысле жизни.

Дымов был убежден, что театр не успевает за изменениями, происходящими вовне и во внутренней жизни человека, он «опаздывает, детонирует», продолжает быть «громоздким, отяжелевшим, распухшим, страдающим водянкой»⁶². Поэтому он призывал отказаться от «законов сцены», которые уже ни в чем не совпадают с «живой жизнью», и произнес фразу, которая порадовала бы современных постструктуралистов: «Спор о декорациях, стилизации и реализме, о нутре и технике бледнеет перед вопросом об авторе. Его нет, он умирает»⁶³. И, может быть, единственным автором, который был Дымовым признаваем на всем протяжении жизни, оставался Чехов.

¹ «Банальные пантеистические рассуждения, дешевый скептицизм, модная «мистическая дымка», таинственные намеки на нездешние голоса, при отсутствии подлинного мистицизма символистов, - все это составляет скучную идеологическую нагрузку рассказов Дымова» (Литературная энциклопедия. М. 1930. Т 3. 1930. С. 613-614).

² Ср. отзыв Н.Петровской на сборник «Солнцеворот»: « /.../ приемы его творчества ярко индивидуальны, в несколько наиболее удачных вещах видно вдохновленное откровение души, бросающее свой собственный свет на явления, доступные его художественной оценке» (Весы. 1905. №7. С.57) – и на сборник «Земля цветет»: « /.../ Дымов, точно с дерзким вызовом кому-то, отрывается от всяких серьезных целей и дает свободу одному стилистическому дару, играя им, как ловкий жонглер отточенными ножами. Рассказы эти стоят на опасной черте. Стил их то пикантен, то прян /.../; то слегка сентиментален; то задернут мистической дымкой без истинно мистических ощущений. В этих рассказах нет живого тела с трепетными нервами, а слышится только суетный шелест эффектных словесных композиций» (Весы. 1908. № 1. С. 98).

³ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Биографии. Т.4. М., 1993. С. 845.

⁴ Дымов О. Солнцеворот. СПб., 1905. С. 158, 159.

⁵ Там же. С. 170.

⁶ Там же. С. 168-169.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 148.

⁹ Там же. С. 151.

¹⁰ Там же. С. 31.

¹¹ Там же. С. 35.

¹² Там же.

¹³ Там же, С. 37.

¹⁴ Дымов О. Земля цветет. СПб., 1907. С.5.

¹⁵ Там же. С.11

¹⁶ Там же. С.13.

¹⁷ Там же. С. 57.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 51.

²¹ Там же.